

Лейбниц, Тетенс и Кант. Идея критического метода в немецкой философии XVII–XVIII вв. Часть 2¹

С.Г. СЕКУНДАНТ

Во второй части статьи доказывается необоснованность обвинений Канта в адрес Тетенса, согласно которым Тетенс занимался эволюцией понятий и игнорировал проблему объективной значимости понятий. Хотя свой метод Тетенс называл «наблюдающим», понятие «наблюдающий» он использовал настолько широко, что мы вправе назвать его метод феноменологическим: начав с анализа смысла высказываний, он заканчивает выявлением оснований объективной значимости наших знаний. И как метафизик, и как методолог Тетенс ближе к Лейбницу, чем эмпиризму. Критика Тетенсом эмпиризма более последовательна, чем трансцендентальный критицизм Канта.

Ключевые слова: критический метод, трансцендентальный критицизм, феноменологический метод, критика эмпиризма.

Стремясь подчеркнуть свою независимость от предшественников, Кант пишет: «Я занимаюсь не эволюцией понятий, как Тетенс (все действия, посредством которых создаются понятия), не анализом, как Ламберт, а только их объективной значимостью. Я не нахожусь ни в какой связи с этими людьми»². По-

¹ Часть 1 статьи см. в предыдущем номере журнала (2011, № 2. С. 187–204). – *Прим. ред.*

² Erdmann B. Reflexionen Kants zur Kritischen Philosophie. Aus Kants handschriftlichen Aufzeichnungen, 2. Bd. Leipzig, 1884. Refl. № 231.

добные высказывания дали повод последователям Канта рассматривать Тетенса как психологиста и субъективиста. Но справедлива ли подобная оценка? Действительно ли Тетенса интересовало только то, как в нашем сознании возникают понятия, суждения и умозаключения? И действительно ли он игнорировал вопрос об объективной значимости наших знаний?

Вопрос о происхождении наших знаний стал предметом дискуссии во многом благодаря Дж. Локку, который преследовал вполне определенную цель: он хотел путем редукции всех знаний к чувственному опыту опровергнуть теорию врожденных идей. Обойти стороной вопрос о происхождении наших знаний не смог даже Г. Лейбниц, хотя он полагал, что этот вопрос «не является абсолютно необходимым ни в качестве исходного пункта рассуждений, ни для практического философствования»³. Тем не менее Лейбниц постоянно обращается к нему, и не только потому, что того требовали правила полемики. Лейбниц увидел в этом вопросе вполне определенный критический смысл. Он указывает на то, что «прикрываясь названием врожденных принципов, люди часто защищают свои предрассудки, желая этим избавиться от неприятной обязанности обоснования их». Такой способ мышления, когда философ без доказательств объявляет большую часть знаний врожденными, он считает «поверхностным», поскольку его сторонники «не утруждают себя исследованием и изучением источников, связей и достоверности наших знаний»⁴. У Лейбница вопрос о происхождении наших знаний не только не исключает вопроса об объективной значимости наших знаний, но, напротив, предполагает его.

Полемика Тетенса с Д. Юмом во многих своих чертах воспроизводит полемику Лейбница с Локком. Тетенс, как и Лейбниц, не только отвергает основную предпосылку эмпиризма (чувства как единственный источник объективных знаний о действительности), указывая на то, что эта метафизическая по своей сути гипотеза порождена тягой к системе и обуславливает редукционистский характер всей эмпирической методологии. Антиредукционистский характер методологии Тетенса проявляется прежде всего в его анализе познавательных способностей. Метод Тетенса не только не ориентирован на редукцию одних познавательных способностей к другим, а скорее наоборот, направлен на их разграничение и выявление их взаимосвязей. Цель такого анализа состоит в том, чтобы обнаружить фундаментальные познавательные способности, которые уже не могут быть редуцированы к другим, и оценить их вклад в познание. Тетенс осознает, что для решения поставленной задачи одной только интроспекции уже недостаточно. Новая задача требовала нового метода. И хотя

³ Лейбниц Г.В. Соч. В 4 т. Т. 2. М., 1983. С. 548.

⁴ Там же. С. 75.

свой метод он называет наблюдающим, в это понятие он вкладывает принципиально новый смысл.

Тетенс не постулирует, как Кант, наличие у нас тех или иных способностей, а начинает с «фактов», а именно с познавательных действий или их продуктов. Его анализ при этом направлен на выявление тех предпосылок, которые делают возможным данное действие и его продукт. Но и здесь Тетенс поступает довольно оригинально. Исследование этих предпосылок он, как правило, начинает с «лингвистического анализа», а именно с выявления смысла, который мы вкладываем в то или иное слово или выражение. Тетенс исходит из того, что каждое слово, обозначающее познавательный акт, несет свой особый смысл, который нельзя редуцировать к другим. Так, анализ апперцепции, или сознательного восприятия (*Gewahrnehmen*), он начинает с выявления того смысла, который мы вкладываем в это слово, когда утверждаем, что нечто замечаем (*gewahrwerden*). От простого чувственного восприятия этот акт, по мнению Тетенса, отличается тем, что в нем душа схватывает (*fasset*) нечто как особый предмет, распознает его (*auskennet*) среди других и отличает (*unterscheidet*) его от них⁵. Такого рода операциональный анализ позволяет ему провести более тонкие различия между различными видами познавательной деятельности и избежать редуционизма. Если внешне схожие познавательные акты предполагают разные операции, то, считает он, у нас есть все основания рассматривать их как принципиально разные акты. Кантианцы были бы правы и Тетенса можно было бы назвать психологом, который исследует действия нашего ума, если бы последний ограничился такого рода анализом. Однако операциональный анализ у него играет вспомогательную роль. Тетенс подчеркивает, что его интересует не столько сам акт сознательного восприятия, сколько понятие об этом акте (*Begriff von dem Actus*). Согласно Тетенсу, «кто нечто замечает (*bemerkt*), тот обнаруживает некоторый признак, в соответствии с которым предмет может и в дальнейшем сознательно восприниматься и распознаваться» (S. 263). Раскрытие операционального смысла понятий, по его мнению, делает наши понятия о познавательных действиях более ясными и отчетливыми. И операциональный анализ выступает здесь как важная, но не единственная составляющая его метода.

Тетенс идет дальше и требует выявлять познавательные способности, которые предполагает тот или иной акт. Он, в частности, запрещает смешивать сознательное восприятие с чувственным восприятием (*Gefühl*) и представлением (*Vorstellung*), указывая на то, что сознательное восприятие их уже предполагает (S. 264). Для Дж. Локка это служило бы основанием для редукции, для Тетенса, напротив,

⁵ *Tetens J.N. Philosophische Versuche über die menschliche Natur und ihre Entwicklung. Bd. 1. Leipzig, 1777. S. 262.*

это является основанием не смешивать указанные способности. Тетенс упрекает И.А.Г. Ульриха и И. Канта в том, что они фактически смешивают сознательное восприятие и представление, «считая пространство и время чем-то субъективным» (S. 277). Он считает недопустимым рассматривать пространство и время в качестве форм чувственности, как это делает Кант в своей диссертации, поскольку пространство и время выражают некоторые отношения, которые не могут быть получены путем чувственного восприятия. Тетенс указывает на то, что в основе восприятия некоторого предмета и его отношений не может лежать одна и та же способность: «При этой предпосылке абсолютное в объекте и этот род отношений стали бы чувственно воспринимаемыми совпадениями (*Zukommheiten*) или предикатами в предметах. Но такого единообразия нет, когда мысль об отношении представляет нечто, что не может быть непосредственно предметом чувств» (S. 278–279). Чувство и сознательное восприятие, считает он, имеют разный предмет: предметом чувства является нечто абсолютное, некоторые абсолютные свойства вещи, предметом сознательного восприятия – нечто относительное. Когда мы нечто воспринимаем (*gewahrnehmen*), в нас, как считает Тетенс, возникает мысль об отношении (*Verhältnis*) одной вещи к другой. Такого рода акт включает в себя разграничение и распознавание того, что воспринимается (S. 273). Поскольку акт сознательного восприятия включает в себя такого рода действия, Тетенс относит его к способности мышления, а не к чувственности. Он решительно отвергает гипотезу, на которой основывалась эмпирическая гносеология, исходившая из того, что идеи чувственных качеств могут перейти в абстрактные понятия об отношениях. «Идеи об абсолютных свойствах вещей, – пишет он, – не могут ни путем возвышения (*Erhöhung*), ни путем усовершенствования (*Verfeinerung*) переходить в понятия об отношениях так же, как и звуки не могут переходить в цвета. Их различие, таким образом, не сводится к различию в степенях и градациях (*auf Grade und Stufen*)» (S. 279). Тетенс, таким образом, отвергает основную предпосылку, на которой базируется эволюционная психология и которая была, по его мнению, характерна также для Канта.

Цель, которую преследует Тетенс, состоит не в том, чтобы проследить эволюцию понятий. Тетенс требует выявлять все действия нашего ума, которые участвовали в образовании понятия, с одной только целью – выяснить, не принимала ли в его образовании участия способность воображения. Критический смысл такого анализа вполне ясен: если окажется, что в образовании понятия или суждения принимало участие воображение, то такого рода продукты нашего ума не могут претендовать на объективность. К анализу происхождения наших понятий о познавательных действиях Тетенс обращается главным образом для того, чтобы выявить те основания, которые делают возможным объективное познание. Именно поэтому он стремится

всячески избегать редукционизма и определять специфику каждого познавательного действия. Эту специфику у него определяют не только те действия, которые предполагаются этим актом и конституируют его, но и еще тремя другими факторами: во-первых, предметом, к которому применяется этот акт, во-вторых, его продуктом и, в-третьих, познавательной способностью, лежащей в его основе. Причем исходным пунктом познания у него выступает продукт познавательной деятельности (представление, понятие, суждение и т.п.), а конечным – лежащая в его основе познавательная деятельность. Так, хотя в основе сознательного восприятия и суждения лежит операция сравнения, эти акты не являются, по его мнению, тождественными, так как имеют разные предметы применения и разные результаты: результатом сознательного восприятия является мысль об особенностях воспринятого предмета, т.е. некоторая идея, результатом же суждения – мысль об отношении идей.

В суждении, подчеркивает Тетенс, идеи предполагаются уже как данные (S. 273). Если в сознательном восприятии речь идет о сравнении образов, то в суждении – о «сравнении предметов в идеях» (*Vergleichung der Dingen in der Ideen*) (S. 274). Отношение, которое возникает в результате сравнения образов, имеет субъективный характер. В духе номинализма Тетенс заявляет, что общее дано только субъективно в рассудке. Однако он не делает из этого номиналистических выводов и использует данное высказывание исключительно против наивного реализма и эмпиризма: общее следует искать в субъекте, а не в объектах. Как и Лейбниц, Тетенс считает, что в субъекте находятся и случайные, и необходимые общности. Он также придерживается той точки зрения, что объективность нашим знаниям может гарантировать только мышление. Согласно Тетенсу, мысли об отношениях создаются силой мышления и являются не чем-то вне рассудка, а *ens rationis*, продуктом (*Machwerk*) той способности, посредством которой мы сравниваем данные в нас представления (S. 276). Тетенса можно было бы назвать субъективистом, если бы он признал субъективный характер всякого продукта мыслительной деятельности на том основании, что породившая его деятельность и лежащая в его основе способность являются субъективными. Но именно против этого вывода и направлен анализ Тетенса. Хотя способность мышления лежит в основе как сознательного восприятия, так и суждения, продукты их деятельности, по его мнению, принципиально отличаются и в этом отношении: если продукты деятельности сознательного восприятия, как указывалось, носят субъективный характер и не могут быть перенесены на предметы, то мысль об отношении, которая возникает в суждении в результате сравнения идей, согласно Тетенсу, носит объективный характер и поэтому может быть перенесена на свои предметы. Это, однако, не означает, что такого рода отношения становятся объективными свойствами в предметах, поскольку, как

это видно из критики кантовской концепции пространства и времени, полученные посредством мышления отношения не могут стать предметом чувств.

Тетенс, таким образом, отвергает и наивный реализм представителей философии здравого смысла, и субъективизм эмпириков. Он ищет путь, который позволил бы ему избежать этих крайностей. Согласно Тетенсу, сознательное восприятие делает наши представления о вещи ясными и отчетливыми (*unterscheidend*), но оно не гарантирует их объективности. Если акт сравнения зависит от сравниваемых представлений, которые субъективны, то и продукт сравнения, по его мнению, будет всегда чем-то субъективным. Но в акте суждения, направленном на идеи, способность мышления, согласно Тетенсу, обнаруживает гораздо большую самостоятельность, настолько большую, что она, как это видно на примере законов логики, становится абсолютно независимой от предметов, к которым она применяется. А это значит, что она может применяться к любым предметам и для этого нет необходимости выходить за границы опыта.

Хотя мышление возникает на определенном этапе развития человека и, разумеется, после чувственности, способность мышления, согласно Тетенсу, представляет собой независимый источник знания. Для последовательного эмпирика и тем более эволюционного психолога такой вывод был бы невозможен. Но Лейбниц, например, в этом не видел ничего невозможного. У него апперцепция, хотя и возникает на определенном этапе развития монады, рассматривается как независимая от перцепции способность. Этой же точки зрения придерживается Тетенс. У него речь идет не о генезисе от простого к сложному, как у эволюционистов, а о самовыражении души. На вопрос, является ли мысль об отношении результатом развития чувства отношения, Тетенс отвечает отрицательно. «Я считаю вполне вероятным, – говорит он, – что акт сознательного восприятия – это новый акт, в котором душа продолжает далее выражаться в соответствии с предшествующим чувством и представлением и самостоятельно применяется к ним. Но я охотно допускаю, что это чувство является ближайшим поводом (*nächstvorhergehende Veranlassung*), благодаря которому душа пробуждается к этому новому акту, в котором она проявляется как способность мышления, как способность, которая продолжает свою деятельность дальше, чем это допускают чувствование и представление» (S. 293).

Необходимость рассматривать мышление как фундаментальную способность Тетенс не постулирует, а пытается доказать, опираясь на свой наблюдающий метод (S. 295–296). Дуализм Тетенса с необходимостью вытекает из его методологических принципов, у Канта же – нет. Его трансцендентальный метод не препятствует ему искать единую фундаментальную способность, что попытались сделать сначала К.Л. Рейнгольд, а затем и И.Г. Фихте. Представление о пассивности

чувственного опыта Кант фактически заимствует у эмпириков. Тетенс же вслед за Лейбницем отвергает эту предпосылку эмпиризма. Отвергает он и вторую важную предпосылку эмпиризма – представление о существовании голых чувственных впечатлений. Такого рода голые впечатления, к которым апеллируют эмпирики, Тетенс, как и Лейбниц, считает абстракциями. Тетенс подчеркивает, что объектом опыта, с которым может быть связана мысль, являются только «отчетливые впечатления», или «ясные идеи ощущений», которые представляют собой действия, состоящие из перцепции, чувства и апперцепции (S. 298). Для Тетенса, как и для Лейбница, чувственное познание есть нечто активное, но это особого рода активность, которая не гарантирует объективной значимости наших знаний. Согласно Тетенсу, именно апперцепция делает наши чувственные восприятия чем-то объективным.

Кант ближе к эмпирикам и в том, что у него не столько мышление, как у Лейбница и Тетенса, сколько чувственный опыт гарантирует объективность знания. Для него «чистые понятия не обладают объективной реальностью и содержат в себе только форму мышления», а «идеи еще более далеки от объективной реальности, чем *категории*, так как нельзя найти ни одного явления, в котором их можно было бы представить себе *in concreto*»⁶. Категории у Канта получают свою объективную значимость лишь благодаря тому, что они делают возможными предметы опыта. У него функция чистых категорий рассудка сводится главным образом к тому, чтобы неопределенный предмет опыта сделать определенным, от предметов же опыта они взамен получают свою объективную значимость. Если же считать, что объективный характер предметов опыта получают благодаря тому необходимому единству, которое придают им чистые понятия рассудка, как это также утверждает Кант, то трансцендентальная дедукция категорий в этом случае теряет свой смысл, ибо чистые рассудочные понятия способны сами себе гарантировать свою объективность, понимаемую в этом смысле, как это имеет место у Лейбница. Понятие «объективный» Кант фактически употребляет в двух разных смыслах. Тетенс же в вопросе об объективности наших рассудочных понятий придерживается точки зрения Лейбница. Чтобы чувственные восприятия можно было рассматривать как нечто объективно существующее, они, согласно Тетенсу, должны обладать необходимым единством, которое привносит в их случайную связь только разум. В этом Кант следует за Тетенсом. Отличие состоит только в том, что Кант считает связь чувственности и рассудка взаимной и на этом основании запрещает выходить за границы чувственного опыта. Именно в этом он близок к эмпирикам. Говоря о единстве «формы» и «материи» познания, Кант понимает это единство в духе Аристотеля как их

⁶ Кант И. Сочинения. В 6 т. Т. 3. М., 1964. С. 501.

неразрывную связь. Тетенс же открыто становится на точку зрения Платона. Для него форма познания имеет свой независимый источник и поэтому связь формы и содержания не рассматривается им как неразрывная. Для него ощущения и представления – это только «субъективная реальность», которая становится чем-то объективным только благодаря мышлению.

Рассматривая в качестве главных своих оппонентов скептика Д. Юма и субъективистов, отрицавших возможность объективной истины, Тетенс, тем не менее, принимает их основную критическую посылку, направленную против наивного реализма. Он признает, что объективная необходимость суждений основывается на субъективной и является фактически результатом переноса последней на вещи. То, что имеет место такой перенос, по его мнению, подтверждает и опыт. «Субъективную необходимость мыслить в соответствии со всеобщими законами рассудка, – пишет он, – мы познаем из наблюдения. Мы ощущаем, что не можем представить себе круглый квадрат и никакую вещь не можем считать отличной от себя самой. На этой субъективной необходимости мы основываем объективную: невозможность мыслить вещь иначе приписывается вещам вне рассудка. Наши идеи уже не являются идеями в нас, они вещи вне нас. Свойства и отношения, которые мы в них воспринимали, представляются нам как свойства и отношения самих вещей, которые присущи им независимо от нашего мышления и должны были бы восприниматься в них всяким мыслящим существом» (S. 531). Если старая метафизика считала такой перенос правомерным, а субъективисты подчеркивали относительный характер истины, утверждая, что об истине можно говорить лишь в отношении того, кто ее мыслит, то для Тетенса неприемлем ни догматизм старой метафизики, ни релятивизм субъективистов. Неприемлем для него и агностицизм скептиков, отрицавших возможность такого переноса. Чтобы выяснить, в какой мере такой перенос правомерен, следует, считает Тетенс, обратиться к анализу природы наших знаний. «Прежде всего, – указывает он, – должно быть определено, от чего, собственно, зависит истинность и что значит полагать, что вещи таковы, какими мы их себе представляем? Затем нужно исследовать тот способ, каким мы приходим к этому суждению, и основания, которые нас ведут к тому» (S. 533). Предметом исследования у Тетенса становятся основания истинности, а исходным пунктом – тот смысл, который мы вкладываем в наши высказывания, когда утверждаем истинность чего-то. Метод выявления этого смысла у него состоит в том, чтобы путем исследования того способа, каким мы приходим к подобному высказыванию, выявить основания его истинности.

Приступая к анализу оснований истинности наших суждений, Тетенс исходит из понимания суждения как мысли об отношении, которое было характерно скорее для Х. Вольфа, чем для Лейбница. Тем не

менее его трактовка корреспондентской концепции истины полностью совпадает со взглядом Лейбница. «Если истина, – утверждает Тетенс, – объявляется соответствием наших мыслей с вещами, то это соответствие не может быть чем-то иным, кроме как аналогией, в соответствии с которой одна идея должна относиться к другой так, как одна вещь к другой. Сравнить идеи с вещами означает не что иное, как сравнивать представления с представлениями или одно представление, полученное из ощущений, сравнивать с другим, которое мы уже имеем. Если объекты тождественны или различны, как и идеи о них, и относятся друг к другу, как и идеи, то отношения между ними такие же, как и между идеями, и наши идеи представляют нам отношения вещей друг к другу» (S. 533).

Речь здесь идет не о параллелизме мышления и действительности, о котором так часто говорила неокантианская историко-философская традиция и в котором она видела одну из основных догматических черт рационализма, а об аналогии между теми отношениями, которые создает способность мышления, и теми, которые даны внутреннему чувству. Оба вида отношений у него даны в опыте субъекта. Указанная аналогия является для Тетенса основанием применения отношения, полученного путем мышления, к чувственному опыту, но не основанием его истинности. Основания истинности Тетенс требует искать в форме суждений, а значит, в мышлении, а не в материи суждений, поскольку материя суждения, а именно связываемые в суждении представления, могут быть субъективны, если они зависят от природы представляющего их субъекта и других обстоятельств. «Мышление, – утверждает философ, – состоит в восприятии отношений представлений и только в них может быть заключена истина и заблуждение» (S. 534).

Обоснование возможности объективной истины у Тетенса основывается на признании определяющего характера мышления и его независимости от субъективных чувственных впечатлений. Как и у Лейбница, чувственные впечатления у него становятся предметом познания только благодаря мышлению. Вопрос об истинности Тетенс сводит к вопросу об объективности мыслей об отношениях. А вопрос о том, присуще ли объектам вне рассудка нечто такое, что мы им приписываем, он трансформирует в вопрос, «присущи ли объектам вне нас те отношения и связи, которые мы воспринимаем в наших представлениях». Свою основную задачу Тетенс видит в том, чтобы отыскать критерий, в соответствии с которым отношение идей можно будет рассматривать как отношение вещей друг к другу.

Такой критерий Тетенс видит в независимости отношений от субъективных представлений. «Если те отношения, которые мы встречаем в наших впечатлениях, связаны только с этим видом впечатлений, – говорит Тетенс, – то все их аналогии с объектами есть не что иное, как субъективный образ познания отношений вещей и, на-

пример, квадратное и круглое не может быть объединено в одной фигуре только для нас. Напротив, если отношения не зависят от природы впечатлений и являются таковыми, которые всякое другое мыслящее существо должно воспринимать в своих впечатлениях, то невозможность этого круглого квадрата является абсолютно объективной невозможностью» (S. 538). Смысл вводимого Тетенсом разграничения тот же, что и при анализе субъективной необходимости, где он пытался выделить те отношения, которые базируются только на естественных законах человеческого рассудка и в силу своей универсальности воспринимаются как объективные. Чтобы обосновать объективный характер суждений, Тетенс требует разграничить форму и содержание суждения сообразно их познавательным источникам. Ощущение, представление, воображение и внутреннее чувство, которые составляют материю суждений о действительности, Тетенс рассматривает как проявление единой чувственной способности. Чувственному восприятию он противопоставляет осознанное восприятие (*Gewahrnehmen*), которое относит к способности мышления (*Denkkraft*). Именно эта способность мышления, считает он, в акте суждения дает форму суждения, определяющую связь представлений. Для Тетенса важно выяснить, в какой мере форма суждения, т.е. идея или мысль об отношении, зависит от его материи. От этого, по его мнению, зависит решение вопроса о том, в какой мере суждения являются необходимыми по своей форме.

Указав на то, что мы ни путем абстрагирования, ни путем сравнения, ни путем индукции не можем получить объективных отношений и основания объективности наших суждений должны искать только в форме суждений, Тетенс требует пересмотреть понятие объективного. Он отвергает как эмпиристское понятие объективного как интерсубъективного, которое превращает объективное в «постоянную видимость», так и идеалистический взгляд, согласно которому объективным следует считать только то, что таковым является для Бога и других разумных существ. Поскольку о других существах мы не имеем никакого понятия, то Тетенс предлагает исключить из определения «объективный» всякую ссылку на другие гипотетические живые существа и считать объективным то, что всегда остается «неизменным в субъекте» (*unveränderlich subjektivisch*), а «субъективным» – изменчивое (*veränderlich subjektivisch*). Такое понимание «субъективного» и «объективного», по его мнению, делает ненужной ссылку «на способности мышления других существ, о которых мы не имеем понятия» (S. 540).

Опираясь на свое понятие объективного, Тетенс указывает недостаточность осознания субъективной необходимости суждений и в связи с этим формулирует свой основной вопрос: «Являются ли необходимые законы мышления нашего рассудка только субъективными законами нашей способности мышления или они являются законами

всякой способности мышления вообще, а также являются ли всеобщие истины разума только истинами для нас или всеобщими положениями для всякого разума?» (S. 540). Решая вопрос об объективности законов мышления и требуя не выходить за границы субъекта, Тетенс имеет в виду не эмпирического субъекта, а субъекта как носителя трансцендентного знания, имеющего строго всеобщий и необходимый характер и являющегося таковым для всех объектов и для всякого разума. И хотя он не вводит термин «трансцендентный (трансцендентальный) субъект», поскольку в строго научном исследовании старается избегать схоластической терминологии, его понятие субъекта практически ничем не отличается от понятия трансцендентального субъекта Канта.

Подобное понятие мы находим уже у Лейбница, который эмпирическому субъекту противопоставляет не только метафизического, но и «эпистемического» субъекта как носителя чистого разума и всеобщих истин разума. На необходимость разграничения этих трех видов субъектов фактически указывает и Тетенс, когда он, решая вопрос об объективном характере закона противоречия, говорит о трех возможных пониманиях этого закона: как опытного суждения, как аксиомы и как метафизического принципа. То, что я не могу себе ни представить, ни помыслить круглый квадрат, – это суждение опыта. Утверждение, что круглый квадрат, или вообще всякое суждение А есть не-А, совершенно немислим, причем без всякого ограничения, и не может быть ни представлен, ни мыслим никакой способностью мышления, не является, согласно Тетенсу, ни суждением опыта, ни умозаключением. Такого рода суждение он, как и Аристотель, называет аксиомой, которую мы просто принимаем. Утверждение же, что такая немислимая или противоречивая вещь не является и не может быть действительной, т.е. что она объективно невозможна, Тетенс относит к метафизическим принципам. Если мы применим эту классификацию к Канту, то обнаружим у него путаницу. Когда Кант, например, пишет, что «если имеется положение, которое мыслится вместе с его необходимостью, то это априорное суждение»⁷, он к априорным фактически относит лишь субъективно необходимые суждения. Тетенс же такого рода суждения считает эмпирическими, поскольку они являются необходимыми только для эмпирического субъекта. В определении Канта отсутствует важное, с точки зрения Тетенса, уточнение, что они являются и должны быть таковыми для всякой способности мышления. И хотя Кант в дальнейшем использует термин «трансцендентальный субъект», он, как и в данном случае, не всегда придерживался «трансцендентальной» точки зрения. В своем определении «безусловно априорного суждения» как такого, которое «мыслится как строго всеобщее», т.е. «так, что не допускается возмож-

⁷ Кант И. Указ. соч. С. 106.

ность исключения»⁸, Кант фактически смешивает аксиому («строго всеобщее суждение не допускает возможности исключения») с эмпирическим суждением («мыслить нечто как строго всеобщее»). Здесь Кант также смешивает субъективную и объективную необходимость суждений.

Согласно Тетенсу, закон противоречия, понимаемый как эмпирическое суждение, не нуждается в обосновании, так как он претендует лишь на субъективную необходимость, которая дана эмпирическому субъекту в его непосредственном опыте. Тем более он не нуждается в доказательстве, если его трактуют как аксиому. Только понимаемый как метафизический принцип этот закон требует своего доказательства. Пытаясь дать такое доказательство, Тетенс прежде всего указывает на то, что аргумент идеалистов, согласно которому объективно необходимым следует считать только то, что таковым является для божественного рассудка, не только выходит за границы познавательных возможностей человека, но и абсурден по меньшей мере по отношению к закону противоречия. «Так как мы не можем представить себе круглый квадрат, — объясняет он, — то, по моему мнению, для нас также должно быть невозможно создание такой идеи некоторой способности мышления, в которой содержалось бы такое представление... Для человеческого рассудка такой рассудок сам является тем, чем для него является круглый квадрат. Существование такого рассудка я должен с необходимостью отрицать точно так же, как существование противоречивого объекта. Считать его возможным означает то же самое, что считать возможной немислимую вещь» (S. 542). Предполагать существование такого рассудка для Тетенса означает то же самое, что упразднить принцип противоречия, а отрицать объективность этого принципа все равно, что отрицать его истинность. «Таким образом, — заключает Тетенс, — этот закон мышления является законом не только для нашего рассудка, но и для всякого другого. И принцип противоречия, понятно, является объективным принципом, поскольку он сам является истинным принципом» (S. 542). Этот вывод Тетенс распространяет на все общезначимые истины, включая и те математические истины, которые Кант рассматривает как синтетические истины а priori: «То, что равное, добавленное к равному, дает равную сумму; что круг столь же велик, что и треугольник, основание которого равно периметру, а высота его радиусу, и все такого рода теоретические истины являются истинами для всякого рассудка, нельзя отвергать так же, как и сами эти истины» (S. 545).

Утверждение субъективных идеалистов относительно того, что все мысли об отношениях есть только нечто субъективное, а понимаемые как отношение вещей они суть ничто, он считает справедливым лишь относительно некоторого рода отношений, но не для всех.

⁸ Там же. С. 107.

«Что касается отношений, полученных путем сравнения, – утверждает он, – это вне сомнения, так как сходство и различие есть только мысль в рассудке. Что же касается отношений, выражающих способ сосуществования и причинную связь, это не так» (S. 538–539). Тетенс признает, что суждения сосуществования и связи, выражающие законы природы, нельзя *a priori* вывести из чистых понятий и они не носят столь же необходимый характер, как и суждения тождества. Но он также считает, что они не могут быть получены путем сравнения различных представлений и также имеют иной источник, чем опыт. Отвергая взгляд, согласно которому эти законы следует рассматривать как результат индуктивного обобщения эмпирических фактов, Тетенс замечает: «Я не хочу тем самым утверждать, что какой-нибудь из всеобщих принципов природы можно с полной определенностью доказать *a priori*, из голых понятий. По-моему, они являются случайными истинами, нет абсолютной необходимости в рассудке связывать субъект и предикат друг с другом так, как для этого необходимо. Но рассудок связывает их в соответствии с привычным законом мышления, которому он следует, хотя он следует ему не с такой непреодолимой неизбежностью, с какой он допускает необходимые истины разума, например принцип противоречия. Такие всеобщие мысли являются всеобщими мыслями до всякого опыта. Мы не получаем их из опыта путем абстракции и, следовательно, не от многократного повторения зависит, что устанавливаются такие связи идей» (S. 321). Суть полемики с Юмом у Тетенса сводится к тому, чтобы доказать, что связь между мыслью об отношениях представлений и самими этими представлениями не носит столь необходимый характер, чтобы на ее месте не могла появиться другая мысль. А это в свою очередь становится возможным лишь потому, что они имеют разные источники. Если идеи чувственных качеств имеют свой источник в чувственном опыте, то связь между ними все же создает мышление, действующее в соответствии со своими законами.

Степень необходимости и объективности такого рода суждений у Тетенса определяется не столько законами, в соответствии с которыми действует рассудок, сколько необходимым характером связи самих идей. А она зависит прежде всего от степени ясности связываемых идей. Последняя тем выше, чем больше вклад мышления в создание этих идей. Там, где эта связь становится настолько сильной, что между идеями возникает отношение концептуальной зависимости (*Begreiflichkeit*), которая может быть выражена в ясной и отчетливой идее о причинной связи, степень необходимости может приближаться к той, какую мы имеем в суждениях тождества. Благодаря тому что в таких суждениях и связываемые идеи, и идея, лежащая в основе акта суждения, – продукты деятельности рассудка, становится возможным применение их к действительным предметам. «Рассудок, – указывает Тетенс, – мыслит отношения и связи в этих идеях и припи-

сывает их только таким объектам, которые являются его творениями. Ведь там, где мы применяем теории к действительным предметам, мы предполагаем, что действительность обладает такими свойствами, как себе это представляют всеобщие понятия. Но, создавая эти связи, рассудок действует по законам, которые мы должны считать законами всякой способности мышления. Поэтому мы должны и воспринятые отношения этих идей рассматривать как необходимые способы мышления всякого рассудка, который имеет в себе точно такие же представления и сравнивает их. Это означает, что эти истины являются объективными истинами, и то, что они являются таковыми, так же достоверно, как и то, что они сами являются истинами. Мы первые не можем ставить под сомнение и отвергать так же, как и последние» (S. 545–546).

Позиция Тетенса отличается от позиции Лейбница. Лейбниц четко различает идеи и мысли, возможное и действительное, и относит объективно необходимые связи к сфере возможного. Тетенс же пытается доказать, что необходимые суждения возможны и в сфере действительности. Суждение он рассматривает не как простое отношение идей, а как мысль об отношении идей. Если эта мысль выражена с помощью отчетливой идеи, то такая связь приобретает необходимый характер. Поэтому Тетенс предпринимает много усилий для того, чтобы доказать, что идеи об отношениях имеют другой источник, чем идеи чувственных качеств. Так как в их основе лежит не некоторый факт опыта, а необходимый акт рассудка, то идеи об отношениях, согласно Тетенсу, нельзя вывести из опыта ни путем абстракции, ни путем сравнения, а потому их можно считать априорными в том смысле, что они не зависят от опыта. Теория Тетенса позволяет объяснить, и он объясняет, почему обыденный рассудок в суждениях о причинной связи так часто ошибается, а научный разум – нет, теория же Канта не позволяет нам этого сделать. У Канта фактически получается, что любая связь, которая возникает в результате действия чистого рассудка, должна быть необходимой, что противоречит опыту (особенно обыденному), который показывает, что наши суждения, например, о причинной зависимости часто носят случайный характер. Кант и не пытается объяснять, как возможна случайная связь, поскольку этот вопрос выходит за рамки его постановки проблемы. Его интересует чисто метафизический, с точки зрения Тетенса, вопрос, как возможны априорные синтетические суждения о предметах опыта вообще. Для Тетенса же вопрос о том, почему суждения в научной теории, в частности в теориях Коперника, Ньютона и Галилея, обладают большей необходимостью, чем суждения обыденного опыта, к которым апеллировали Юм и шотландская школа здравого смысла, является центральным. Его постановка вопроса является не только более широкой, но и более глубокой. Именно поэтому требуется учитывать все факторы, участвующие в формировании научных понятий и теорий. Кант может себе позволить от многих из них абстрагироваться.

У Тетенса акт мышления выступает только в качестве основания для образования идеи об отношении. По его мнению, действие нашего мышления будет носить необходимый характер только в том случае, если оно совершается в соответствии с отчетливой идеей. Суждения научного разума, согласно Тетенсу, потому и обладают большей необходимостью, чем суждения обыденного рассудка, что в их образовании не участвует продуктивная способность воображения (*Dichtkraft*). Кроме того, в научном разуме акт суждения применяется к отчетливым идеям, а не к представлениям, как это имеет место в случае с категориями чистого рассудка у Канта. Согласно Тетенсу, отчетливый характер идей научного разума, которые, по его мнению, в подавляющем большинстве являются идеями об отношениях, определяется не только природой идей (они должны быть продуктом мышления, и в их основе должен лежать акт мышления), но и ее отношениями с другими идеями. Именно эта система отношений у Тетенса, как и у Лейбница, определяет необходимый характер каждой отдельной связи и в конечном счете обуславливает необходимый характер научного знания. Если в образовании и связываемых идей и связывающей идеи не участвовало воображение и если эта связь согласуется со всей системой других связей, то такая связь, согласно Тетенсу, может считаться необходимой. Роль аналитических истин и, в частности, закона противоречия в образовании такой необходимой системы понятий для обоих мыслителей бесспорна.

Обвинение Канта в том, что Тетенс игнорирует вопрос об объективной значимости понятий и суждений, основывалось на разном понимании «объективного». Основание объективности Тетенс ищет только в мышлении, Кант и в мышлении, и в чувственном опыте. По-разному Кант понимает и отношение «формы» и «материи»: в «Критике чистого разума» он мыслит их связь как неразрывную и на этом основывает свою критику чистого разума. В «Критике практического разума» он, напротив, мыслит эту связь в духе Платона и противопоставляет форму и материю. Тетенс же с самого начала сознательно встает на точку зрения Платона. Он, как и Лейбниц, пытается подчеркнуть полную независимость мышления и его продуктов от опыта и основание объективной значимости суждений ищет в мышлении, а не в опыте.

Лейбниц и Тетенс строго разграничивают вопросы об «объективной реальности» и «объективной значимости», Кант же их смешивает. Для Тетенса, как и для Лейбница, вопрос об объективной реальности суждений – это вопрос о реализации их в чувственном опыте. Суть такой реализации у них сводится к тому, чтобы заставить природу следовать законам разума. Оба мыслителя указывают на то, что такого рода реализация возможна только в рамках необходимой системы понятий и она будет тем более достоверной, чем шире и согласованней эта система. Оба подчеркивают важную роль эксперимента.

У Канта, который поставил более узкую задачу обосновать, как возможны априорные синтетические суждения, речь идет не о реализации, а об определении предметов опыта вообще. На первый взгляд может показаться, что это более глубокий подход, так как он ставит более глубокую задачу – объяснить, как возможно априорное синтетическое познание предметов опыта вообще. С точки зрения Тетенса, такая постановка вопроса является чисто метафизической. И хотя Кант ставит также вопрос о возможности применения априорных понятий к предметам чувственного опыта, этот вопрос он понимает и решает в духе психологии. Если Тетенс разграничивает чисто психологический (а потому эмпирический) вопрос о субъективной необходимости суждений и эпистемологический вопрос о их объективной значимости, то Кант эти вопросы фактически смешивает, когда субъективную необходимость действий нашего рассудка рассматривает как необходимое условие возможности объективного опыта.

Вся проблематика у него подчиняется решению главной метафизической проблемы: как возможна метафизика как наука? Поэтому не будет большим преувеличением сказать, что «Критика чистого разума» Канта – это преимущественно метафизический труд, причем основанный на ряде догматических предпосылок. Многие, что Тетенс доказывает, Кант принимает без доказательств как само собой разумеющееся. Но и многое, что Тетенс отвергает как необоснованное, Кант принимает. Так, Кант фактически признает гипотезу физического влияния, когда рассматривает чувственное познание как результат воздействия на чувственность «вещей в себе». Тетенс же эту гипотезу, которую он называет материалистической, отвергает. Основной ее недостаток он видит в «отсутствии отчетливого понятия причинной связи и незнании внутренней природы вещей (Innern der Natur)» (S. 215). Не приемлет Тетенс и агностицизм Канта. Различая «Ding» (вещь вообще) и «Sache» (действительную вещь), он трактует «вещь саму по себе» (Ding an sich) как предмет в том виде, как он дан нашим чувствам, т.е. в его «абсолютных свойствах». Понятия и суждения открывают нам только отдельные аспекты этого предмета и его отношения. Их реализация у него возможна только применительно к чувственному опыту. Применение системы научных понятий к чувственному опыту, согласно Тетенсу, становится возможным, если обнаруживается наличие аналогии хотя бы между некоторыми частями системы и опыта. Тогда вся система в целом применяется к опыту. Выход за границы опыта возможен лишь в воображении, но такой выход для него необходим, если субъекта познания рассматривать как активного деятеля, экспериментатора. У Канта субъект познания остается пассивным созерцателем, хотя он подчеркивает активность сознания. Если Тетенс противопоставляет обыденный опыт научному, то Кант необоснованно противопоставляет мышление и познанию, фактически делая мышление виновником нарушения границ по-

знания. У Тетенса нет абсолютных границ между научным и обыденным опытом. Кант же претендует на установление абсолютных границ опыта и познания. На абсурдность претензии Канта установить границы познания указывал еще Гегель, замечая, что знать предел означает то же, что и выйти за него⁹. Даже скептики не ставили перед собой такой задачи, осознавая ее невыполнимость¹⁰.

Тетенса нельзя рассматривать ни как эклектика, ни, тем более, как субъективиста и эволюционного психолога. Тетенс настолько расширяет понятие «опыт», что его нельзя считать эмпириком точно так же, как и Н. Мальбранша и Лейбница, которые часто апеллировали к непосредственному опыту, понимая его очень широко. Тетенс четко указывает на необходимость выйти за рамки эмпирического субъекта и фактически вводит понятие «трансцендентального субъекта». Его понятие «наблюдающего метода», начинающегося с анализа смысла высказываний и направленного на обнаружение оснований истинности и объективной значимости наших суждений, становится настолько широким и отличным от традиционного представления о наблюдающем методе, что его с полным правом можно было бы назвать феноменологическим. Это станет еще более очевидным, если учесть, что его метод направлен на опровержение фундаментальных методологических принципов эмпиризма. И если Тетенс как метафизик не представляет большого интереса, то в истории методологии и эпистемологии он предстает как глубочайший и оригинальный мыслитель, равного которому среди современников трудно найти.

⁹ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М., 1974. С. 181.

¹⁰ Schulze G.E. Aenesidemus oder über die Fundamente der von Herrn Prof. Reinhold in Jena gelieferten Elementar-philosophie. Nebst einer Verteidigung des scepticismus gegen die Anmaßungen der Vernunftkritik. Helmstaedt, 1792. S. 24.